

КОРЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЗАКАСПИЙСКОЙ ОБЛАСТИ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1881—1917 гг.)

Аннотация. Для распространения и утверждения в Закаспийской области российской власти использовались различные способы приобщения туркменского населения к государственной и военной службе: 1) обучение детей в российских учебных заведениях; 2) вверение ближайшей исполнительной власти представителям национальной элиты; 3) внедрение русского языка в делопроизводство местных административных и судебных органов; 4) присвоение чинов, дарование исключительных прав, награждение российскими медалями и орденами; 5) создание привилегированных национальных военных формирований (иррегулярных частей, конвоя, милиции, охранной стражи). При этом этнорелигиозная принадлежность не служила в Российской империи критерием для продвижения подданных по карьерной лестнице.

Эти направления государственной деятельности свидетельствуют о том, что имперское правительство на территории Закаспийских владений, как и во всей Средней Азии, не проводило политику насильственной русификации, а лишь стремилось к закреплению Закаспия в составе империи, распространению общегосударственных установлений с учетом экономических интересов не только пришлого, но и местного населения. Такой подход дает все основания утверждать, что Закаспийская область как административная единица представляла собой развивавшуюся часть Российской империи.

Несмотря на консолидирующий характер отношения России к туркменскому этносу, стремление цивилизационно объединить регион с остальными частями Российского государства, Закаспийской области, которая стала одним из последних территориальных приобретений, было не суждено интегрироваться с империей. После начала Первой мировой войны Закаспийский край, как и другие районы расселения туркмен, вслед за всей Российской империей вступил в полосу конфликтов, кризисов, восстаний и революций. Вместе с тем присоединение туркменских племен к Российской империи ускорило сплочение туркменского общества и заложило основы современной туркменской государственности, окрепшей в советское время.

Ключевые слова: Российская империя, российско-туркменские отношения, правовые ограничения, инородцы, коренное население, языковой барьер, национальная элита, коренная администрация, привилегии, милицейские подразделения, национальные воинские формирования, тыловые работы, туркменское восстание.

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.137.4.136-151

© Аминов И. И., 2018

* Аминов Илья Исакович, кандидат юридических наук, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

aminovii@mail.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

В ходе территориального расширения границ и вхождения в состав России польских, финских, прибалтийских народов в течение XVIII—XX вв. последовательно наращивалась разнородность социокультурного и этноправового пространства империи. Последующее завоевание Кавказа примкнуло к России многоликий этнический мир, включавший в себя десятки царств и княжеств, враждующих между собой на протяжении сотен лет и не оставлявших своих соседей в покое. Покорение Средней Азии включило в состав Российской империи территории суверенных государственных образований исламской цивилизации (Кокандского и Хивинского ханств, Бухарского эмирата), имевших собственную систему ценностей, норм, традиций, центры суннитской учености и восточной культуры. Кроме того, в имперский период практически две трети России составляли территории жизнедеятельности кочевых народов — наименее исламизированных общностей, что позволило ей без преувеличения стать величайшей кочевой державой того времени.

Для достижения главной цели, стоявшей перед имперским правительством, — распространения и утверждения на вновь присоединенных территориях российской государственности — использовались разнообразные способы формирования у коренного населения верноподданнических чувств и преданности российскому престолу.

Формально по национальным и расовым признакам российское законодательство практически не знало правовых ограничений. Законами ограничивались в некоторых правах евреи, а с 1864 г. поляки-католики. Несмотря на то, что размежевание шло в основном по сословному и конфессиональному признакам, инородцы на основании Устава духовных дел иностранных исповеданий могли и без принятия православия пользоваться всеми правами государственной и военной службы, всеми сословными привилегиями, если изъявляли готовность честно служить Российской империи и императору¹. Данный подход делал их со-

циальное положение намного предпочтительнее, чем статус коренного населения колоний Западной Европы.

О «служилости» инородцев как частом явлении беспристрастно свидетельствует статистика. В 1730 г. 30 % чиновников в Российской империи были нерусского происхождения. В 1894—1914 гг. доля неправославных в Государственном Совете составляла 21,5 % его членов. В 1825 г. в составе высшей имперской бюрократии служило 11,1 % инородцев, в 1853 г. — 32,7 %, в 1917 г. — 11,8 %. В эпоху Великих (Александровских) реформ в русской армии среди офицеров 23 % были неправославного вероисповедования². Эта закономерность позволила современному российскому ученому С. И. Каспэ связать стабильность Российской империи с тем, в какой мере и какими способами государство могло урегулировать собственные и частные интересы своих подданных, в том числе представителей национальных окраин³. Анализ законодательства, архивных материалов и научной литературы позволил выделить в такой деятельности несколько направлений.

1. Обучение детей коренного населения окраин в российских учебных заведениях. Просвещенная империя предоставляла право на образование своим подданным независимо от их национальной и религиозной принадлежности. Так, ст. 30 Положения об инородцах гласила: «Инородцы имеют право отдавать детей своих для учения в учрежденные от правительства учебные заведения. Они имеют право заводить и собственные школы, но не иначе, как с позволения начальников губерний или областей»⁴.

Этот метод в целом использовался достаточно часто и раньше, однако отметим, что в Средней Азии он применялся не только в политических, но и утилитарно-практических целях. Обучавшихся в Императорском пажемском корпусе, имевшем статус военного университета, и в других учебных заведениях России выходцев из Средней Азии было немного, и, как правило, все они являлись детьми высокопоставленных лиц. Закаспийская область⁵, где основное насе-

¹ О состоянии инородцев. // Собрание законов Российской империи (далее — СЗРИ). Кн. 3. Т. 9. СПб., 1912. Гл. 1. С. 88 ; Положение об инородцах // СЗРИ. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1897. С. 315.

² Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2000. Т. 1. С. 32—34.

³ Каспэ С. И. Империя: генезис, структура, функции // Политические исследования. 1997. № 5. С. 45.

⁴ СЗРИ. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1897. С. 322.

⁵ Закаспийская область — административная единица Российской империи (центр — г. Асхабад), учрежденная 6 (18) мая 1881 г. Область располагалась между восточными берегами Каспийского моря и за-

ление составляли туркменские племенные группы, в этом отношении не стала исключением.

Как отмечали русские путешественники, до утверждения на этих землях русского правления, образование туркмен ограничивалось начальными правилами религии. По причине «крайней бедности большинства» им было чуждо светское образование⁶. В то же время эти же лица не могли не отметить наличие «любви к приобретению знаний и к чтению тех книг, которые случайно попадают им в руки»⁷.

В пору налаживания российско-туркменских отношений в учебных заведениях Российской империи стали обучаться Хасанмухаммед, Аннамухаммед и Назармухаммед — внуки Кият-хана — наиболее последовательного сторонника перехода западных туркмен йомудского племени в российское подданство. В 1844 г. они были отправлены в Петербург, где были определены в Константиновский кадетский корпус. О них известно очень мало: Хасанмухаммед умер 12 апреля 1847 г. «в полковом лазарете от водяной болезни»⁸, Назармухаммед, дослужившийся до чина штабс-ротмистра уланского полка, — в Белгороде в июне 1856 г. Аннамухаммед достойно служил в том же полку, участвовал в русско-турецкой войне (1877—1878 гг.), дослужился до чина полковника, умер в 1886 г. в Красноводске⁹.

Среди наиболее известных внуков Кият-хана — Николай Николаевич Йомудский (1868—1928), окончивший Псковский кадетский корпус (по некоторым сведениям, Павловское военное училище). Начиная военную службу в 1-м Закаспийском стрелковом батальоне (г. Мерв), затем был назначен приставом в Тохтамышское отде-

ление (Мервский уезд), Дурунское приставство (Асхабадский уезд). В чине полковника в 1910 г. вышел в отставку. Как внук Кият-хана добился права носить ханский титул (Караш-хан-оглы)¹⁰. Будучи приставом в Дуруне, Йомудский активно содействовал отправке детей в Оренбургский кадетский корпус, был активным сторонником европеизации туркмен. О прочих потомках Кият-хана известно, что некоторые из них получили образование в Тифлисской гимназии¹¹.

К просвещению стремились и другие представители известных туркменских родов. Старшина Мангышлакских туркмен-игдыров Мамед Сафа Кулиев просил воспитать своего девятилетнего сына Мамед Салиха в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе. В ответ на эту просьбу ему сообщили, что Россия «готова содействовать исполнению похвального его намерения дать образование своим детям» и рекомендовали отправить сына через коменданта Александровского форта за казенный счет¹².

Обучение детей коренного населения в российских учебных заведениях продолжилось и после окончательного оформления Закаспийской области в составе Российской империи в 1890 г. Глава мервской элиты Майли-хан — капитан имперской милиции, просил об определении своего брата в Николаевское юнкерское кавалерийское училище¹³. В Пажеский корпус Его Императорского Величества был определен Ораз-Берды — сын Тыкма-Сердара — предводителя туркмен текинского племени, оборонявших геоктепинскую крепость. Такие просьбы, как правило, охотно выполнялись, и текинские наездники украшали императорский конвой¹⁴.

падными окраинами Бухарского эмирата и Хивинского ханства. На севере доходила до Уральской области, а на юге граничила с Персией и Афганистаном.

⁶ Галкин М. Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1868. С. 4, 22.

⁷ Наши соседи в Средней Азии. Хива и Туркмения. СПб., 1873. С. 45.

⁸ РГИА. Ф. 1286. Оп. 8. Д. 521. Л. 30.

⁹ Аннанепесов М. Укрепление русско-туркменских взаимоотношений в XVIII—XIX вв. / отв. ред. А. А. Росляков. Ашхабад : АН Туркменской ССР, 1982. С. 194.

¹⁰ Кадыров Ш. Х. Российско-туркменский исторический словарь : в 2 т. / Библиотека альманаха «Туркмены». Берген, 2001. Т. 1. С. 170.

¹¹ Кадыров Ш. Х. Указ. соч.

¹² Русско-туркменские отношения в XVIII—XIX вв. (до присоединения Туркмении к России) : сборник архивных документов. Ашхабад : Изд-во Академии наук Туркменской ССР, 1963. С. 497.

¹³ ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 7366. Л. 1.

¹⁴ Соегов М. «Белый» генерал Ораз-сердар в истории и литературе // Jazyk a kultúra. 2013. № 16. С. 3.

¹⁵ См.: Россия и Туркмения в XIX в. : К вхождению Туркмении в состав России : сборник архивных документов / ред. Г. И. Карпов, А. Г. Соловьев, Д. Ф. Масловец ; сост. А. Г. Соловьев, А. А. Сенников, Д. Ф. Масловец. Ашхабад : Туркменгосиздат, 1946. С. 264.

Получив разностороннее образование в военных учебных заведениях Российской империи, пройдя службу бок о бок с представителями различных народов, и в первую очередь русского народа, Ораз-Берды и другие представители туркменской элиты были приобщены к русской и мировой культуре, к новому образу жизни, наиболее соответствующему духу времени. Впоследствии многие офицеры из туркменской среды, даже в случае оторванности от родины, проявляли большой интерес к истории, быту и традициям своего народа, просвещению и улучшению его социального положения.

В июле 1885 г. командующий войсками Закаспийской области генерал-лейтенант А. В. Комаров поднял вопрос о создании системы подготовки офицерских кадров из местных жителей края независимо от их социального происхождения. Из Азиатской части Главного штаба Военного министерства, откликнувшись на это предложение, запросили мнение руководства Кавказского военного округа и Главного управления военно-учебных заведений. Командующий округом генерал-адъютант А. Дондуков-Корсаков в ответе начальнику Главного штаба писал: «Практиковавшаяся на Кавказе мера воспитания детей туземцев в военно-учебных заведениях империи всегда давала отличные результаты. Офицеры из туземцев, воспитанные в кадетских корпусах, выходили самые лучшие, преданнейшие нашему правительству и государственным интересам»¹⁵.

Несмотря на то, что в военном ведомстве было стремление обучать детей коренных жителей в русских учебных заведениях, оно неизменно наталкивалось на недостаточный уровень начальной подготовки у обучающихся. Так, начальник Главного управления военно-учебных заведений генерал от инфантерии Н. А. Махотин привел статистические сведения, согласно которым до 1875 г. немалая часть уроженцев Кавказа, обучавшаяся в кадетских корпусах страны, едва достигала 3-го или 4-го класса. Общее число «успешно» окончивших курс в вузах империи не превышало 5 %. В связи с этим было признано целесообразным не направлять уроженцев Кавказа для обучения

во внутренние губернии империи, а обучать в открытой в г. Тифлисе военной гимназии. После этого отмеченный выше показатель поднялся до 60 %.

Исторический опыт обучения детей горцев Кавказа в определенной мере повлиял на обучение туркменских детей Закаспийской области. И хотя администрация области со всей ответственностью понимала, что нужно строить местную систему образования, отсутствие значительных материальных средств у органов военно-народного управления затрудняло реализацию этих планов. В этой связи было решено мальчиков до 9 лет, «умеющих говорить и немного знающих русское письмо», направлять во Владикавказский кадетский корпус, а предварительное обучение кандидатов осуществлять в Асхабадском 2-классном училище¹⁶.

«Сближению азиатцев с русскими», «доставлению отдаленным краям просвещенных чиновников» помогали учебные заведения Оренбуржья, а именно 1-й и 2-й Оренбургские кадетские корпуса. В марте 1991 г. был издан указ о порядке отправления пяти малолетних воспитанников из Закаспийской области «к определению в подготовительный класс 2-го Оренбургского кадетского корпуса» под надзором офицера, командировавшегося распоряжением командующего войсками Туркестанского военного округа¹⁷.

Таким образом, проблема подготовки офицерских кадров из числа местных жителей Туркестанского края не исчерпывалась одними политическими мотивами, как пишут некоторые современные историки¹⁸. Обучение в русских учебных заведениях для туркмен, как и других инородцев, не было принижением их «национального» достоинства или обузой, а, напротив, служило привилегией, преимуществом.

2. Вверение ближайшей исполнительной власти представителям национальной элиты. На определенном этапе общественного развития такой механизм вполне удовлетворял потребности туркменских обществ и поддерживал в них порядок благодаря авторитету сердаров, ханов, старейшин.

Наиболее именитому представителю туркменской элиты Махтум-Кули-хану, осуществив-

¹⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1013. Л. 35—37. Дело о принятии в кадетские корпуса мальчиков-туземцев.

¹⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3 (далее — ПСЗРИ-3). СПб., 1994. Т. 11 (1891 г.). № 7401. С. 33. Ст. II.

¹⁸ Ходжакулиев Б. А. Народное просвещение в Туркменистане в колониальный период (1881—1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ашхабад, 1995.

шему еще в годы присоединения туркменских земель к России (1882—1884 гг.) ряд дипломатических акций, направленных на оказание помощи в мирном завершении присоединения Южного Туркменистана, была доверена должность исполняющего обязанности начальника Тедженского уезда в чине старшего офицера имперской милиции. Впоследствии он окажется в числе приглашенных в Москву на священное коронование Николая II¹⁹, будет избран депутатом II Государственной думы от населения Закаспийской области.

После присоединения Мерва в 1884 г. управление населением оазисов было возложено на четырех ханов родовых подразделений текинцев. Каждому был установлен оклад в 1 200 руб. в год. Управление Серахским районом было сохранено за Теке-ханом, Иолотанским — за Сары-ханом (оба подчинялись начальнику Мервского уезда). После образований в Серахсе и Иолотани приставств Теке-хан и Сары-хан были оставлены в должности заместителей русского пристава, каждый в чине капитана милиции с сохранением прежних высоких окладов²⁰.

Однако столь широкое привлечение в управление краем местной элиты не позволило преодолеть проблему кадрового дефицита, свойственного всей Средней Азии. Загруженные обязанностями по командованию войсками, военные начальники не всегда уделяли достаточного внимания административной деятельности и контролю над подчиненными из местных элит, а иногда и проявляли снисходительность к их недозволенным либо противоправным действиям, связанным, как правило, с захватом общинных земель. Однако по сведениям, почерпнутым из работы А. Ломакина, администрация края, уведомленная о подобных злоупотреблениях влиятельных лиц, отбирала как орошаемые земли, так и арыки, кяризы с последующей сдачей их в аренду (*карендю*). Вырученные от аренды средства направлялись на общественные нужды²¹.

3. Внедрение русского языка в делопроизводство местных административных и судебных органов. С переходом в состав Российской империи Закаспийского края делопроизвод-

ство стало осуществляться на русском языке. Однако коренная аульная администрация и «народный суд» длительное время находились вне этого процесса. Лишь после Андиганского восстания (1898) туркестанский генерал-губернатор С. М. Духовской (1838—1901) поставил вопрос об обязательном введении русского языка в официальной переписке органов местной администрации с русскими властями, что имело прямое отношение и к Закаспийской области. Развитие этой идеи взяла на себя первая российская еженедельная газета в Туркестане на русском языке «Туркестанские ведомости», которая выступила с предложением издать постановление о введении русского языка в делопроизводство, а также установить сроки, в течение которых эта мера должна быть реализована. В связи с этим органы краевого управления усилили внимание к курсам русского языка для взрослого коренного населения, были проведены мероприятия по привлечению коренных жителей и набору слушателей на эти курсы, материально поощрялось также обучение детей в русских школах²². До этих событий вопрос о минимизации языкового барьера между русскими и туркменами решался только усилиями энтузиастов. Так, например, подпоручиком Плиевым совместно с сотником Драповским и поручиком Маргания было составлено и издано «Руководство для обучения туркмен русскому языку» (Асхабад, 1893).

Финансирование курсов за счет государственной казны, индивидуальный подход к слушателям, свобода в методике и программах преподавания стали действенным средством сближения туркмен с русской школой и русскими людьми. При этом распространение среди инородцев русского языка осуществлялось не в качестве языка «господствующего народа», а в качестве государственного языка центральных органов власти, без чего инородцы не могли изменить свой статус отсталых народов присоединенных окраин. Кроме того, языковой барьер стал главной причиной лишения как туркмен, так и других народов Туркестана избирательного права и, как следствие, невозможности участвовать

¹⁹ РГВИА. Ф. 400. Д. 27. 1883. Л. 28.

²⁰ Хайтлиев А. А. Уголовное обычное право туркмен / под ред. П. Ф. Повелицыной. Ашхабад : Ылым, 1986. С. 63.

²¹ Ломакин А. Обычное право туркмен (адат). Репринт издания 1897 г. ЕЕ Медиа, 2015. С. 141.

²² См.: Туркестанские ведомости. 1911. № 150. С. 3.

в системе реального законотворчества, войти в состав депутатов Государственной думы III и IV созывов²³. Известно, что из-за недостаточного знания русского языка подполковник милиции Махтум-Кули-хан (Нурбердыханов), хоть и участвовал во II Государственной думе в качестве представителя от коренного населения Закаспийской области, но в думских комиссиях не состоял²⁴.

В целом вплоть до 1917 г., несмотря на существенные усилия по внедрению русского языка в целях устроения государственного порядка в волостях и аулах Закаспийской области, делопроизводство так и не удалось перевести на русский язык. При этом туркмены, в отличие, например, от народов, которых покорило британское оружие, сохранили свою культуру и, соответственно, свой язык. Однако согласно объективной позиции М. А. Фадеичевой историческое совпадение языка русского народа и православной веры с официальной религией и «державным языком Российской империи» по сей день создает стойкую иллюзию у мировой общественности о русских как о народе, стремящемся к беспредельному господству²⁵.

4. Присвоение чинов, дарование исключительных, в том числе дворянских, прав, награждение орденами и медалями, специально установленными для мусульманских подданных империи. Еще в первой трети XIX в. при формировании Россией среднеазиатского политического курса за оказание помощи экспедиции Карелина наиболее активные туркменские старшины — Ярмамбет-бек Кутлугулатов, Акмамбет-бек Бердыбакиев, Халмамбет-бек Ильдурдибеков, Халмамбет-бек Байназаров были награждены орденами на Аннинских лентах и оружием из личной коллекции императора²⁶.

В дальнейшем для формирования лояльных чиновников местных национальностей

еще в марте 1866 г. в Военном министерстве был установлен порядок награждения жителей азиатских окраин империи. Награждение происходило в обычной форме, через решение Комитета министров и утверждение императора. В остальных случаях администрация получала право награждать подданных различными подарками — часами, оружием, халатами по своему усмотрению. Для закупки подарков, угощений, организации встреч и приемов местной элиты выделялись специальные средства²⁷. Так, начальнику Закаспийской области, согласно смете расходов, на экстраординарные нужды, прием и угощение коренных жителей ежегодно отпускалось 8 тыс. руб. — немалая для того времени сумма²⁸.

К началу XX столетия в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел действовал особый отдел по составлению специального реестра «подарочных вещей», который прослеживал их отправку и сохранность в пути. Появление такого отдела было вполне логичным, принимая во внимание количество посылаемых в центральноазиатский регион подарков²⁹.

Имперское правительство не скупилось награждать даже в недавнем прошлом непримиримых противников русского вторжения. Так, в мае 1881 г. после того, как депутация текинских старшин была принята в Петергофе, им были вручены награды (см. табл.). Тыкма-Сердар — бывший начальник вооруженных сил текинцев, будучи главой туркменской депутации, в своей речи отметил, что текинцев, которые приняли русское подданство, насчитывается 400 тыс. семейств и они могут доказать свою верность и преданность «Белому царю»³⁰. Майору милиции Овез-Мурад-Тыкма-Сердару было назначено постоянное усиленное содержание в размере 660 руб. в год³¹ и пожаловано дворянство. Однако согласно

²³ Самодержавие и избирательные права в национальных областях России (публикация И. Ковалева) // Красный архив. 1936. Т. 6 (79). С. 20—23.

²⁴ Боиович М. М. Члены Государственной думы (портреты и биографии). Второй созыв. М.: Тип. Товарищества И. Д. Сытина, 1907. С. 496.

²⁵ См.: Фадеичева М. А. Этническая политика в Российской империи // URL: <http://www.ifp.uran.ru/files/publ/eshagodnik/2003/19.pdf> (дата обращения: 19.12.2017).

²⁶ АВПРИ. Ф. 161. II-21. Оп. 66. Д. 1 (1833—1835 гг.). Л. 26.

²⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 56. Л. 1—9.

²⁸ Штаты и табели к № 6576—1890. 6 февраля 1890 г. // ПСЗРИ-3. СПб., 1993. Т. 10. Отд. 1 (1890 г.). С. 86.

²⁹ АВПРИ. Ф. 161/4. Оп. 729/2. Д. 74. Л. 1—3 об.

³⁰ Тихомиров М. Н. Присоединение Мерва к России. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. С. 60.

³¹ РГВИА. Ф. 400. Д. 40 (1881 г.). Л. 85—86.

переписи 1897 г. процент дворян среди коренного населения Закаспийской области, как и во всей Средней Азии, был самым низким,

что особенно становится очевидным при сравнении с Кавказом, где количество дворян было выше в 12 раз³².

Список награжденных представителей от текинцев³³

№	ИМЕНА ДЕПУТАТОВ	НАГРАДЫ
1	Овез Мурад-Тыкма-Сердар, главный защитник Геок-Тепе в недавнем прошлом, глава текинского рода и наиболее влиятельное лицо в Ахалтекинском оазисе	Чин майора милиции, шашка с портупей и золотые часы
2	Магомед-Овез-Сеид-Гельдыев, родственник Тыкма-Сердара	Большая золотая медаль на Аннинской ленте, золотые часы
3	Хан-Магомед-Риза-оглы, родственник Тыкма-Сердара	Большая серебряная медаль на Станиславской ленте, золотые часы
4	Халли Хан-Бердиев, родственник Тыкма-Сердара	Большая золотая медаль на Аннинской ленте, золотые часы
5	Ораз-Берды, десятилетний сын Тыкма-Сердара	Золотые часы с цепочкой

По списку 7 марта 1883 г. были представлены к наградам старшины селений Арчман, Бахарден, Нохур, Келята, Коршов и Кеши³⁴.

Главная сторонница присоединения Мерва к России — Гюль-Джемал³⁵ — получила в награду дары, присланные ей из Кабинета его величества со специальным посыльным, что подчеркивало их значение. Ей были жалованы два массивных золотых браслета с драгоценными камнями, золотой пояс и соболий халат, крытый золотой парчой. Кроме того, ей была назначена пожизненная пенсия в 2 тыс. руб. ежегодно. Как наиболее влиятельным текинцам пасынку и сыну Гюль-Джемал — Махтум-Кули-хану и Юсуф-хану — также была назначена пенсия. Махтум-Кули-хану за лояльность к имперскому правительству в июле 1883 г. возвратили саблю и револьвер, чему был придан характер особой «монаршей милости»³⁶.

Несмотря на то, что вооружение вместе с хорошим конем было неодолимой страстью любого туркмена, не всем племенам была оказана «равная милость». Так, ни одному другому племени туркмен или народу Центральной

Азии, кроме текинцев, не была дана привилегия носить холодное оружие. В целом со стороны монарха племенная элита теке была причислена к высшему этническому сословию, а бывшая элита туркмен-йомудов предана опале³⁷.

Интересные сведения о текинских ханах содержатся в списке лиц, представленных к наградам по случаю 25-летия присоединения Мерва к России (1909). В него вошли ханы и их сыновья, которые содействовали этому событию и за 25 лет продвинулись по службе. Юсуф-хан, сын Нурберды-хана и Гюль-Джемал, стал майором милиции и получил ордена Анны и Станислава 3-й степени. Сары-Батыр-хан, имевший чин капитана милиции, был награжден теми же орденами. В числе представленных к наградам также были сын Юсуф-хана, внук Мурад-хана, племянник Майли-хана. Кроме чинов и орденов многих одарили «часами из Кабинета его величества» и почетными халатами³⁸.

Анализ имперского законодательства приводит к выводу, что получить чин, преимуще-

³² Общий свод по империи результатов обработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. 1. С. 67.

³³ РГВИА. Ф. 400. Д. 20 (1881 г.). Л. 20—21.

³⁴ ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 6483. Л. 38—41.

³⁵ ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 5087. Л. 9—11.

³⁶ Россия и Туркмения в XIX в. С. 222.

³⁷ См.: *Кадыров Ш. Х.* Становление и эволюция этнополитической организации у туркмен : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. С. 74.

³⁸ ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 5087. Л. 19—24 (26 ноября 1884 г.).

ства от военной службы, быть удостоенным знаками орденов за боевое отличие туркмены могли и не входя в круг национальной элиты. Для этого требовалось на общих основаниях пройти отбор и поступить на службу переводчиком или проводником в полки Закаспийской конной казачьей бригады³⁹ или стать конником национального воинского формирования.

5. Создание воинских формирований на национальной основе. Данный способ воспитания у туркмен верноподданнических чувств и преданности российскому престолу применялся и ранее. Сохранились сведения о том, что туркмены и их потомки, переселившиеся в Ставрополь, Астрахань и на Северный Кавказ в XVIII в., принимали участие на стороне России в наполеоновских войнах. Во время Отечественной войны 1812 г. «общество туркменских татар вызвалось добровольно из единого усердия к службе его императорского величества поставить 200 человек конновооруженных туркмен на службу против французов...»⁴⁰.

Поскольку с 1870 по 1890 г. Закаспийский край в административном отношении был подчинен Кавказскому военному округу, туркмены оказались вне тех ограничений, что распространялись на остальные народы Туркестана. В частности, им не воспрещалось служить в рядах Российской императорской армии. Известно, что во время хивинского похода в отряде подполковника Скобелева в одной из рекогносцировок из шести человек трое — Назар, Непес и Дурды — были туркменами⁴¹. В ахалтекинской экспедиции приняла участие конная милиция, набранная из туркмен. Она состояла из 5 сотен в составе 5 офицеров, 20 урядников, 480 всадников, под командованием подполковника князя Бебутова⁴².

Для рядовых всадников этого подразделения стало возможным не только получение материального достатка, но и «в порядке постепенности» стать обладателями: 1) серебряных медалей («за храбрость», «за усердие и полезное»); 2) чина юнкера с правом ношения

на шашке серебряного офицерского темляка; 3) знаков отличия воинского ордена четырех степеней; 4) чина прапорщика⁴³.

Вскоре после взятия Геок-Тепе в целях ликвидации грабительских набегов (*аламанства*) в Ахалтекинском округе с учетом кавказской практики создания милицейских подразделений была организована местная охранная стража из 160 стражников (*фераджиев*) и четырех начальников (*сердаров*), выбранных жителями при ручательстве старшин. Среди туркмен, привыкших к кочевому образу жизни, служить в таких подразделениях оказалось немало желающих. Об этом просили целые аулы, в том числе и такие крупные, как Бами и Каахка. Например, со стороны каахкинских старшин поступило прошение принять на службу 40 человек конных джигитов⁴⁴. Возглавлял стражников с мая 1881 г. по февраль 1885 г. абхазский князь, вахмистр М. К. Маргания (*Мерген-ага*)⁴⁵.

Охранная стража позволила не только освободить местные власти от необходимости содержать дополнительные полицейские силы⁴⁶ за казенный счет, но и решить важнейшую задачу по обеспечению общественного порядка и спокойствия в регионе. Кроме того, для враждебно настроенных сил посягательство на жизнь туркменских конников стало бы вдвойне опасно, поскольку никакие компенсации с их стороны не смогли бы сдержать кровную месть (*ган алмак*). Многие из членов стражи получили государственные награды, чины, а впоследствии достойно служили в составе иррегулярных войск в ходе военных кампаний конца XIX — начала XX в. На вновь завоеванных территориях в их лице Российская империя получила сильнейшую опору в своей государственно-правовой политике.

Многие российские военачальники (М. Д. Скобелев, М. Г. Черняев, Г. А. Колпаковский и др.) считали важным создание в крае национального подразделения на постоянной основе. При этом предпочтение отдавалось

³⁹ См.: ПСЗРИ-3. Т. 10. Отд. 1 (1890 г.). № 7154. С. 724—725.

⁴⁰ Дурдыев М., Кадыров Ш. Туркмены мира (историко-демографический обзор). Ашхабад, 1991. С. 39.

⁴¹ Терентьев М. А. Хивинские походы русской армии. 2-е изд. М., 2016. С. 415—416.

⁴² Архив Гродекова. Папка № 1. Журнал занятий и военных действий Ахал-Текинского экспедиционного отряда (1879 г.).

⁴³ ПСЗРИ. Собр. 2 (далее — ПСЗРИ-2). СПб., 1835. Т. 33. Отд. 2 (1858 г.). № 33367. С. 12. § 1.

⁴⁴ ЦГАТ. Ф. 97. Оп. 1. Д. 69. Л. 28.

⁴⁵ ЦГАТ. Ф. 97. Оп. 1. Д. 50. Л. 1, 2.

⁴⁶ См.: ПСЗРИ-3. СПб., 1889. Т. 7 (1887 г.). № 4790. С. 294, 453.

текинцам как наиболее способным к военной службе. В начале 1880-х гг. в Военном министерстве даже планировалось формирование кавалерийских полков из туркмен для отправки служить на границу с Германией. Однако было признано целесообразным создать в первую очередь такое подразделение в Закаспийском крае⁴⁷.

В феврале 1885 г. Александр III утвердил штат постоянной конной милиции Закаспийской области, куда вошли лучшие джигиты Ахала и Мерва. Согласно приказу Военного министерства целью учреждения милиции стала «служба на постах по границам Закаспийской области и выполнение других служебных обязанностей»⁴⁸. Конные посты туркмен, отличавшиеся особой мобильностью, привлекались также для охраны Закаспийской военной железной дороги, почтовой и административно-полицейской службы, поддерживали постоянное сообщение между аулами, удаленными от железнодорожных станций⁴⁹.

По штату в этом подразделении полагалось иметь 5 офицеров, 1 вахмистра, 8 урядников и 300 всадников. Милиционеры подчинялись Главному управлению казачьих войск, а в порядке службы — непосредственно начальнику штаба Закаспийской области. Комплектовалась милиция добровольцами из всех туркменских племен, а также уроженцами Кавказа. Оружие им выдавалось от казны. Все остальное они должны были приобретать самостоятельно. Содержание всадников составляло 300 руб. в год, и имело тенденцию к неуклонному росту. С января 1911 г. для строевых нижних чинов оклады в год каждому составили: юнкерам милиции по 660 руб.; вахмистрам — 600 руб.; старшим урядникам — 540 руб.; младшим урядникам — 480 руб.; всадникам — 360 руб.⁵⁰

Милиционерам этого подразделения был дарован ряд привилегий. Прослужившие беспорочно не менее 10 лет освобождались государством от всех податей и повинностей⁵¹. Раз в год им полагался отпуск в 10 суток, а с февраля 1902 г. — «право на сохранение содержания при увольнении в отпуск на срок не более 2 месяцев»⁵².

Все милиционеры пользовались бесплатными медицинскими услугами. В случае потери лошади при исполнении служебных обязанностей воинам выдавались средства на покупку новой. При этом всем милиционерам из туркмен разрешалось вместо военной формы носить обычную национальную одежду. Программа их обучения предусматривала изучение русского языка, кавалерийскую подготовку, стрельбу, физические и строевые упражнения⁵³.

Юнкера и урядники этого подразделения, все прослужившие в нем не менее четырех лет⁵⁴, а также аульные старшины, волостные управители, народные судьи, их кандидаты, все туркмены, имевшие классные чины, почетные халаты, медали и иные знаки отличия, в случае совершения преступлений и проступков освобождались от телесных наказаний⁵⁵.

Несмотря на привилегированное положение туркменских конников по сравнению с другими окраинами империи (Кавказа, Финляндии, Царства Польского) участие населения Закаспийской области, как и всей Средней Азии, в обеспечении обороноспособности империи было более чем скромным. Еще в большей степени это различие просматривалось при сопоставлении Туркестана с Британской Индией, где численность «туземных» войск по сравнению с английскими частями составляла в отдельные периоды до $\frac{2}{3}$ ⁵⁶.

⁴⁷ РГВИА. Ф. 400. Д. 43 (1881 г.). Л. 1.

⁴⁸ Отчет о состоянии войск Закаспийской области со времени окончания Ахал-Текинской экспедиции по 1895 г. включительно. Асхабад, 1897. С. 22—23.

⁴⁹ ПСЗРИ-3. СПб., 1887. Т. 5. Отд. 2. № 2747. С. 30, 63—64.

⁵⁰ ПСЗРИ-3. СПб., 1913. Т. 30 (1910 г.). Отд. 1. № 34109. С. 1031.

⁵¹ ПСЗРИ-3. СПб., 1901. Т. 18. Отд. 1 (1898 г.). № 15312. С. 270.

⁵² ПСЗРИ-3. СПб., 1904. Т. 22. Отд. 1 (1902 г.). № 21150. С. 116.

⁵³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1459. Л. 17.

⁵⁴ Срок в четыре года был назначен применительно к сроку действительной службы, установленному в русской армии.

⁵⁵ ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3795. Л. 98.

⁵⁶ В 1871—1872 гг. общая численность индо-британской армии составляла 191 241 человек, из которых 127 224 человека представляли туземные войска (См.: Венюков М. Современное военно-политическое положение Индии // Военный сборник. 1873. № 12. С. 351).

В 1892 г. на основе милиционного подразделения был сформирован *Туркменский конно-иррегулярный дивизион*, которым продолжил командовать П. П. Калитин, произведенный в 1890 г. в подполковники. Воспользовавшись опытом создания соответствующих подразделений на Кавказе, в Крыму, Башкирии, где личный состав формировался по призыву, органы военного управления в туркменском дивизионе сохранили добровольный принцип комплектования. Отличительной особенностью нового формирования стало установление специальных требований при отборе на службу: возрастные (от 19 до 30 лет), физические (здоровое телосложение) и специальные (джигитовка). Как правило, одна сотня кавалерии несла службу на постах, а другая находилась на учебных сборах в Асхабаде (с. Кеши).

В декабре 1895 г. по высочайшему повелению, объявленному военным министром, было установлено, наряду со специальным снаряжением и знаками отличия, обмундирование чинам конного дивизиона: офицерам — форма кавказских казачьих войск, но с желтым приборным сукном; строевым военнослужащим — форма национального (текинско) образца (папах из черного длинного меха, ермолка вышитая, халат красного цвета с черными и желтыми полосками, шаровары из темной ткани); погоны — желтые с красными литерами «Трк» (Туркменский)⁵⁷.

В начале XX столетия командование приняло ряд организационных мер, нацеленных не только на повышение обученности и боеспособности этого дивизиона (штатное увеличение офицеров, вахмистров и урядников⁵⁸, учреждение при нем специальной учебной команды⁵⁹), но и на укрепление среди личного состава верности монарху и всей царствующей династии Романовых. 26 апреля 1910 г. для Туркменского конно-иррегулярного дивизиона по велению государя императора

был установлен «праздник на 6 Мая — День рождения Его Императорского Величества»⁶⁰.

В 1911 г. Туркменский конно-иррегулярный дивизион был преобразован в *Туркменский конный дивизион*⁶¹, чем подчеркивались организационное единство и устойчивость этого подразделения, твердость системы комплектования, обязательность обучения для всего личного состава. В соответствии со своим вероисповеданием и «законом», т.е. обычаем, все чины дивизиона присягали на верность престолу, т.е. царской службе. Но поскольку эта часть комплектовалась представителями иной религиозной принадлежности — мусульманами суннитского толка, на их полковом знамени был только государственный герб и отсутствовала надпись «С нами Бог»⁶². Так, религиозно-нравственные установки воинов дивизиона бесконфликтно сочетались с воинскими традициями и преданностью монархической власти.

В первый месяц Первой мировой войны (июль 1914 г.) по распоряжению Николая II это подразделение было реорганизовано в добровольческий *Туркменский конный полк*, сформированный на средства коренного населения⁶³. Страницы российских газет описали героические подвиги текинцев: участие в битве под г. Лодзь (Польша, 16 ноября 1914 г.), возле деревни Дуплице-Дуже (Австро-Венгрия, 23 ноября 1914 г.) и т.д. Всего за два с половиной месяца участия в боевых действиях в полку, насчитывающем 627 бойцов, 67 человек было награждено Георгиевскими крестами, свыше 70 человек — медалями «За храбрость», орденами Святого Станислава и Святой Анны. Полк заслужил славу непобедимого⁶⁴, а его штандарт хранится в Государственном Эрмитаже⁶⁵.

Поскольку это подразделение состояло в основном из текинцев Ахала и Мерва, 31 марта 1916 г. оно стало именоваться *Текинским конным полком*. С новым именем и новым командиром, полковником С. П. Зыковым, текинцы

⁵⁷ ПСЗРИ-3. СПб., 1899. Т. 15 (1895 г.). № 12298. С. 729.

⁵⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 140. Л. 46—48.

⁵⁹ ПСЗРИ-3. СПб., 1909. Т. 26 (1906 г.). Отд. 1. № 28196. С. 782.

⁶⁰ ПСЗРИ-3. Т. 30 (1910 г.). Отд. 1. № 33400. С. 549.

⁶¹ ПСЗРИ-3. СПб., 1914. Т. 31. Отд. 1 (1911 г.). № 34725. С. 43—44.

⁶² Шевяков Т. Н., Пархаев О. Н. Знамена и штандарты Российской императорской армии конца XIX — начала XX в. М., 2002. С. 32.

⁶³ См.: Кузьмин Н. Генерал Корнилов. М., 1997. С. 14.

⁶⁴ Гундогдыев О. Ратные традиции туркмен // Туркменистан. Апрель. 2005. № 3.

⁶⁵ Андреев А. А. Туркмены в Первой мировой войне: текинский конный полк // Политическая экспертиза : Политэкс. 2014. Т. 10. № 2. С. 161—169.

прославились своими героическими атаками против австрийских пехотных дивизий⁶⁶. Так, в крупнейшем Доброноуцком сражении полк в 600 сабель, который в самый опасный и ответственный момент возглавил командир 1-го эскадрона Ораз-Сердар, уничтожил 2 тыс. и взял в плен более 3 тыс. австрийцев, захватил артиллерийские орудия, пулеметы, винтовки, боеприпасы, лошадей⁶⁷. Джигиты этого полка сыграли не последнюю роль и в белогвардейском движении в 1917—1918 гг., а первому туркменскому генералу Ораз-Сердару со стороны Британской короны был присужден почетный титул «Sir Oraz Sirdar K. C. M. G.»⁶⁸.

«Кто поверит, — писал будущий генерал М. Д. Свечин, — что туркмены, отважные и доблестные наши противники, борьба с которыми действительно была, что называется насмерть, которые не признавали пленных... пойдут на это»⁶⁹.

Туркмены оправдали оказанное им доверие со стороны российской власти и до последней минуты существования Российской империи служили ей, проявляя доблесть на фронтах Первой мировой войны, преданность воинскому долгу, верховному командованию в условиях тотального разложения армии под натиском большевистской пропаганды. Даже восстание в 1916 г. йомудов — одного из могущественных туркменских племен — против российской власти в определенной мере было вызвано отказом предоставить им полное право воевать за Россию, которым обладали текинцы.

Несмотря на подлинный героизм туркмен, события Первой мировой войны не способствовали укреплению российско-туркменских отношений. Затянувшаяся война истощила экономику и финансовые ресурсы России, однако фронт по-прежнему нуждался в боеприпасах, вооружении, провианте, людях. Для нужд сражающейся армии реквизировались кибитки, юрты, кошмы, повозки, лошади, верблюды и т.д. Поскольку коренное население Закаспий-

ской области, как и всего Туркестана, согласно указу Александра II о введении «Устава о воинской повинности» (п. I)⁷⁰, освобождалось от воинской службы, с января 1915 г. оно подверглось дополнительному 21 %-му военному налогу⁷¹. Кроме того, в связи с мобилизацией в армию русских крестьян-переселенцев призывного возраста их земельные наделы предписывалось обрабатывать местному населению.

К имеющимся экономическим трудностям добавился значительный приток в край военнопленных (немцев, австрийцев, венгров, чехов) и беженцев из западных губерний, оккупированных немецкими войсками (белорусов, поляков). Около 200 тыс. военнопленных, состоявших прежде в рядах австро-венгерской армии, были размещены в лагерях Туркестана, в том числе Асхабаде и Красноводске. Этим совершенно посторонним людям потребовалась помощь и администрации, и постоянных жителей.

В связи с тем, что в рядах воюющей армии воевали преимущественно русские, возникла необходимость призыва инородцев на нестроевую службу. Несмотря на освобождение их от воинской повинности на момент принятия упомянутого выше Устава, этот призыв был вполне обоснован. Подпунктом 1 п. I этого же Устава предусматривалось, что в Туркестане и других регионах порядок этой повинности «будет определен впоследствии особыми положениями сообразно с местными особенностями»⁷².

В 1915 г. и начале 1916 г. тема призыва инородцев не раз обсуждалась в правительстве и Думе. Однако многократное обращение к туркестанскому руководству приводило к твердому возражению с его стороны: коренное население не способно к воинской службе, поскольку не владеет русским языком и ненадежно. Позиция туркестанских чиновников до определенного времени учитывалась высшими кругами империи. Однако

⁶⁶ Лужбин А. В. Действия русской конницы в сражениях Первой мировой войны. М., 2014. С. 243.

⁶⁷ Текинский полк — страница истории воинской славы России // URL: <http://asgabat.net/stati/nauka/istorija-turkmenistana/tekinskii-polk-stranica-istori-voinskoi-slavy-rosi.html> (дата обращения: 02.12.17).

⁶⁸ Sargent M. British Military Involvement in Transcaspia (1918—1919) // Conflict Studies Research Centre. 02/04. April 2004. P. 19.

⁶⁹ Свечин М. Д. Записки старого генерала. Ницца, 1964. С. 26.

⁷⁰ ПСЗРИ-2. СПб., 1876. Т. 49. Отд. 1 (январь 1874 г.). № 52983. С. 27.

⁷¹ Глуценко Е. А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М. : Центрполиграф, 2010. С. 542. (Серия «Россия забытая и неизвестная»).

⁷² ПСЗРИ-2. Т. 49. Отд. 1 (1874 г.). № 52983. С. 27.

положение на фронтах ухудшалось, русские войска испытывали нехватку в боеприпасах, вооружении, провианте, а главное — в людях. В газетах и агитационных призывах вновь звучали важные для текущего момента слова бывшего министра внутренних дел Н. П. Игнатьева о том, что, «если азиатский подданный... не может ни платить, ни управляться наравне с европейскими, то нести личную воинскую повинность он вполне в состоянии. Единственно, о чем следовало позаботиться и определиться, так это со способами призыва на службу и ее прохождения»⁷³. Наряду с улучшением положения дел на фронте, предполагалось, что совместная служба русских с азиатами будет способствовать «укреплению связей покоренного народа с державным прочнее всяких политических мер»⁷⁴.

В 1916 г. в Думе был поднят вопрос о привлечении коренного населения национальных окраин к службе, если не на фронте, то хотя бы в тылу. Согласившись с предложением своих министров, самодержец 25 июня 1916 г. подписал Указ «О привлечении мужского инородческого населения империи для работы по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных, необходимых для государственной обороны работ»⁷⁵. Согласно его тексту, Туркестану предстояло направить в прифронтную полосу 250 тыс. мужчин в возрасте от 19 до 43 лет. В Закаспийской области имперское правительство полагало набрать свыше 15 000 человек⁷⁶: в Мервском уезде — 5 000, Тедженском — 3 000, Асхабадском — 2 500, Красноводском — 1 960 и Мангышлакском — 3 240 человек⁷⁷.

Такое решение, не подкрепленное необходимыми организационными мерами, у коренных жителей вызвало всплеск возмущения. В результате Государственная дума потребовала отложить проведение призыва до завершения хлопкоуборочной страды. После некоторых колебаний был издан новый указ от 30 июля 1916 г., объявивший отсрочку набора рабочих для фронта до 15 сентября⁷⁸. В октябре высочайше утверждается правительственное решение о праве инородцев в период войны вместо окопных работ вступать рядовыми «охотниками» в казачьи части⁷⁹. Однако вспыхнувшие волнения уже невозможно было остановить. Недовольство охватило подавляющее большинство местного населения Туркестанского края.

Всюду в аулах происходили сходы и принимались решения: людей на окопные работы не давать, из аулов не выпускать. В архивах сохранились документы, содержащие факты открытой агитации против призыва, демонстративно враждебного поведения населения по отношению к власти, сопротивления масс действиям администрации и требований об уничтожении списков призывников и т.д.⁸⁰

Пользуясь отсутствием у большинства местного населения метрических документов, волостные управители и аульные старшины, составляя списки призывников, организовали целую систему всевозможных злоупотреблений. Представители состоятельных семейств из списков за взятки исключались, а лица, не имевшие ни связей, ни денежных средств, попадали в эти списки, причем без соблюдения возрастного ценза. Более того, коренная администрация в целях наживы стала распространять среди местного населения слухи, что брать будут не на работы, а в солдаты⁸¹.

⁷³ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1657. Л. 3.

⁷⁴ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1657. Л. 11.

⁷⁵ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане : сб. документов. М., 1960. С. 25—26.

⁷⁶ Несмотря на сопротивление крестьян — переселенцев Туркестана, из этой среды в действующую армию к началу 1915 г. было мобилизовано 70 тыс. человек. Из Закаспийской области призвано 4 916 человек (см.: История Узбекской ССР. Ташкент, 1968. Т. 2. С. 513).

⁷⁷ Восстание 1916 г. в Туркмении : документы и материалы / отв. ред. Н. В. Литвиненко. Ашхабад, 1938. С. 55.

⁷⁸ Центральная Азия в составе Российской империи / С. Н. Абашин, Д. Ю. Арапов, Н. Е. Бекмаханова [и др.]. М. : Новое литературное обозрение, 2008. С. 128.

⁷⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1374. Л. 17.

⁸⁰ См., например: РГИА. Ф. 1202. Оп. 1. Д. 1933. Л. 8 ; Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 105 ; Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 283, 450 ; Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 24—25.

⁸¹ Доклад А. Н. Куропаткина 4 января 1917 г. военному министру Д. С. Шувалову // Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане : сборник документов. М., 1960. С. 81—82.

Через неделю после подписания высочайшего указа восстание охватило территорию от Амударьи до Урала с многонациональным, преимущественно мусульманским, населением в 10 млн человек. Формы протеста восставших были различны — от массового бегства с предприятий в степи, горы, за границу до вооруженных нападений на войска, полицию, чиновников, русских поселенцев⁸².

Наиболее уважаемая в текинской среде ханша Гюль-Джемал, выразив в целом покорность исполнить монаршую волю, в июле 1916 г. обратилась к начальнику Мервского уезда с просьбой об освобождении 5 тыс. текинцев от мобилизации «на тыловые работы». Выражая заботу о государственной пользе, ею были приведены следующие доводы:

- унижительность для текинцев выполнения земляных работ (постройка дорог, рытье траншей и т.д.), поскольку для этого по обычаю всегда приглашались наемные рабочие из Персии и Афганистана;
- губительность для здоровья и работоспособности текинцев сурового климата северных и юго-западных губерний России;
- беспомощность туркменских женщин, воспитанных в шариатском духе, вести хозяйство и заботиться о детях без поддержки ушедших на тыловые работы мужей;
- острая нехватка в Мервском оазисе рабочей силы во время предстоящего осенью сбора хлопка, имеющего важнейшее стратегическое значение для страны;
- невозможность убедить текинцев в том, что договор, согласно которому текинцы навсегда освобождены от всех личных повинностей, подписанный во время добровольного присоединения туркмен тохтамьского племени к России, отменяется.

В конце своего прошения Гюль-Джемал предлагала заменить работы в далеком тылу армии другими работами для нужд государственной обороны в пределах области или натуральной повинностью: доставкой скота для организации транспорта, снабжением армии продовольствием⁸³.

Согласно данным Сыскного отделения при Асхабадском уездном управлении⁸⁴, с целью повлиять на отмену набора ханша предложила негласно произвести денежный сбор по аулам из расчета по 2 руб. 50 коп. с кибитки, а с богатых туркмен дополнительный сбор для передачи государю императору на военные нужды. Собранные же наскоро несколько тысяч Гюль-Джемал передала на воздушный флот в виде аванса. Но поскольку данный сбор производился без разрешения администрации и не подлежал контролю, начальник области предложил ханше немедленно прекратить сбор денег⁸⁵.

Время показало, что при распределении количества мобилизуемых коренных жителей по регионам, районы, специализирующиеся на выращивании хлопка, получили значительные послабления. Согласно инструкции от воинского призыва были освобождены представители местных элит, которые интегрировались в российские социальные структуры: должностные лица органов местного управления; чины национальной милиции; служители религиозного культа; учащиеся высших и средних учебных заведений; «туземцы», пользовавшиеся правами дворян, потомственные почетные граждане, классные чины; родственники (до трех человек) по мужской линии тех, кто служил в Текинском конном полку или другом воинском подразделении.

Кроме того, любой инородец мог откупиться и нанять за себя другого инородца при условии его принадлежности исключительно к русскому подданству. Иностранцы — хивинцы, персы, бухарцы, афганцы, а также среднеазиатские евреи, русские не могли быть назначены в наряд на тыловые работы вместо откупившихся инородцев⁸⁶. Однако реализация этой инструкции на практике происходила в соответствии с «вольными» толкованиями на местах. Возможность нанять за себя другого фактически привела к найму имущими коренными жителями (не без участия местной администрации, т.е. за взятку) неимущих.

Следует отметить, что большая часть туркмен Ахала и Мерва, у которых на фронте к тому

⁸² Ланда Р. Г. Ислам и история России. М., 1995. С. 176.

⁸³ РГИА. Ф. ДП. IV д-во. Д. 130. Ч. 1. Т. 2 (1916 г.). Л. 64.

⁸⁴ ПСЗРИ-3. Т. 31. Отд. 1 (1911 г.). № 35443. С. 520.

⁸⁵ Начало революционного движения в Туркмении в 1908—1917 гг. / сост. А. Г. Соловьев. Ашхабад-М., 1946. Кн. IV. Д. 102. С. 117.

⁸⁶ Рыскулов Т. Р. Восстание киргизов и казахов в 1916 году. Бишкек, 1991. С. 4—5.

времени воевали родственники в Текинском конном полку, подчинилась высочайшему указу и стала отдавать своих соплеменников для нужд фронта. Исключение составили йомуды и казахи, ведшие преимущественно кочевой образ жизни. Не случайно центром восстания в Закаспии стали пограничные с Персией местности Красноводского уезда⁸⁷, где наиболее беспокойные и наименее подверженные влиянию русских туркмены-йомуды были разнообразны по подданству (русские, хивинские, персидские), двуданники, кочующие то в Россию, то в Персию и связанные друг с другом кровными узами⁸⁸. Однако в это восстание было втянуто также население Чарджуйского и Керкинского бекств Бухарского эмирата, Тедженского и Серахского оазисов Закаспийской области.

Восставшими под руководством Бабаклыча, Шихи-хана Диведжи, Эсен-хана, Мерген-хана были разгромлены постройки русских поселенцев, рыбные промыслы Лианозовых, пограничные заставы с Ираном, убито и ранено свыше 100 русских поселенцев, солдат и офицеров, нанесен ущерб в 300 тыс. руб.⁸⁹ Причиной внушительных жертв среди русского населения стало отсутствие в крае, за исключением городов, полиции⁹⁰, а также отсутствие у русских поселенцев вооружения⁹¹.

Масштабность туркменского восстания, охватившего в наибольшей степени Астрабадскую провинцию⁹² и Красноводский уезд, способного, с одной стороны, осложнить положение России в северной Персии, а с другой — поднять против правительства революционно настроенные военные части Закаспия, заста-

вила генерал-губернатора Туркестанского края А. Н. Куропаткина приказать Сыр-Дарьинскому военному губернатору А. С. Мадритову выступить с отрядом для решительного подавления туркменского мятежа. Несмотря на то, что Мадритову предписывалось не допускать жестокостей, воевать только с мужчинами, не позволять жечь имущество, особенно кошмы и кибитки, карательные войска против восставших и их семей применили орудия и пулеметы⁹³. Восстание 1916 г., жестоко подавленное войсками, породило в дальнейшем национальное движение местной элиты, получившее название «басмачество».

Таким образом, несмотря на разнообразие способов формирования у местного населения верноподданнических чувств и преданности российскому престолу, в начале XX столетия Закаспийский край, как и весь Туркестан, был далек от окончательной интеграции с общеимперским пространством России. Острота этноконфессиональных вопросов на национальных окраинах Российского государства существовала в той степени, в какой происходило их объединение с империей в целом. Закаспийская область была одним из последних имперских приобретений, а потому не успела интегрироваться с Россией. Восстание 1916 г. и его подавление создали барьер между коренными народами и властью, превратив их в два враждебных лагеря. В то же время оно способствовало усилению национального самосознания, сплочению туркмен, независимо от племенной принадлежности, легитимации национальной государственности в советское и постсоветское время.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аннанпесов М.* Укрепление русско-туркменских взаимоотношений в XVIII—XIX вв. / отв. ред. А. А. Росляков. — Ашхабад : АН Туркменской ССР, 1982. — 268 с.

⁸⁷ РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 8.

⁸⁸ Начало революционного движения в Туркмении в 1908—1917 гг. Кн. IV. Д. 99. С. 114.

⁸⁹ *Куропаткин А. Н.* Рапорт на имя Николая Романова // Красный архив. Т. 34. 1929. С. 82—83 ; *Тарасов Ю. М.* Движение 1916 г. в Закаспийской области. Ашхабад, 1955 ; *Кадыров Ш. Х.* Российско-туркменский исторический словарь. Т. 1. С. 142.

⁹⁰ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане : сборник документов. М., 1960. С. 84.

⁹¹ *Галузо П. Г.* Вооружение русских переселенцев в Средней Азии. Ташкент, 1926. С. 70.

⁹² Астрабатская провинция находилась частью в пользовании Персии и частью — туркмен-йомудов, гокленов.

⁹³ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 151. Ч. 1. Л. 15 об. — 16.

2. Глущенко Е. А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. — М. : Центрполиграф, 2010. — 378 с. — (Серия «Россия забытая и неизвестная»).
3. Кадыров Ш. Х. Российско-туркменский исторический словарь : в 2 т. — Берген, 2001. — Т. 1. — 456 с. — (Библиотека альманаха «Туркмены»).
4. Кадыров Ш. Х. Становление и эволюция этнополитической организации у туркмен : дис. ... д-ра ист. наук. — М., 2004. — 370 с.
5. Ломакин А. Обычное право туркмен (адат). — Репринт изд. Ашхабад, 1897 г. — ЕЕ Медиа, 2015. — 90 с.
6. Максимович Ф. К. Социально-экономический строй закаспийских туркмен накануне присоединения к России. — Ашхабад : Туркменское государственное издательство, 1960. — 244 с.
7. Начало революционного движения в Туркмении в 1908—1917 гг. / сост. А. Г. Соловьев. — Ашхабад, 1046. — Кн. IV. — 322 с.
8. Россия и Туркмения в XIX в. : К вхождению Туркмении в состав России : сборник архивных документов / ред. Г. И. Карпов, А. Г. Соловьев, Д. Ф. Масловец ; сост. А. Г. Соловьев, А. А. Сенников, Д. Ф. Масловец. — Ашхабад : Туркменгосиздат, 1946. — 590 с.
9. Русско-туркменские отношения в XVIII—XIX вв. (до присоединения Туркмении к России) : сборник архивных документов. — Ашхабад : Издательство АН Туркменской ССР, 1963. — 784 с.
10. Рыскулов Т. Р. Восстание киргизов и казахов в 1916 году. — Бишкек, 1991. — 112 с.
11. Тихомиров М. Н. Присоединение Мерва к России. — М. : Издательство восточной литературы, 1960. — 240 с.
12. Хайтлиев А. Уголовное обычное право туркмен / под ред. П. Ф. Повелицыной. — Ашхабад : Ылым, 1986. — 236 с.
13. Ходжакулиев Б. А. Народное просвещение в Туркменистане в колониальный период (1881—1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Ашхабад, 1995. — 23 с.
14. Центральная Азия в составе Российской империи / отв. ред. С. Н. Абашин, Д. Ю. Арапов, Н. Е. Бекмаханова. — М. : Новое литературное обозрение, 2008. — 464 с.

Материал поступил в редакцию 2 января 2018 г.

INDIGENOUS POPULATION OF THE TRANS-CASPIAN REGION IN CIVILIAN AND MILITARY SERVICE IN THE RUSSIAN EMPIRE (1881-1917)

AMINOV Il'ia Isakovich — PhD in Law, PhD in Psychology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminology and Penal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
aminovii@mail.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. For expansion and establishment of the Russian authorities in the Trans-Caspian region, different methods of involving the Turkmen population into civilian and military service were used: 1) education of children in Russian schools; 2) delegation of immediate executive power to the representatives of the national elite; 3) introduction of the Russian language in clerical work of local administrative and judicial bodies; 4) assignment of ranks, grant of exclusive rights, awarding of Russian medals and orders; 5) creation of privileged national military forces (irregular parts, escort, police, security guards). Still, the ethno religious affiliation did not serve in the Russian Empire as the criterion for the promotion of subjects in the career.

These areas of state activity prove that the Imperial government on the territory of the Trans-Caspian region, as well as throughout Central Asia, did not pursue a policy of forced russification, but only sought to perpetuate the Trans-Caspian part of the Empire, the spread of national regulations, taking into account the economic interests of not only newcomers, but also the local population. This approach gives every reason to believe that Trans-Caspian region, as an administrative unit, was a developed part of the Russian Empire.

Despite consolidating the nature of Russia's relationship to the Turkmen ethnic group, the pursuit of civilization to unite the region with other parts of the Russian state, the Trans-Caspian region, being one of the last territorial acquisitions was not meant to integrate with the Empire. After the outbreak of the First world war the Trans-Caspian region, as well as other areas of settlement of the Turkmen, followed the Russian Empire in entering

a period of conflicts, crises, rebellions and revolutions. However, the inclusion of the Turkmen tribes to the Russian Empire accelerated the consolidation of the Turkmen society and laid the foundations of modern Turkmen statehood, having strengthened during the Soviet era.

Keywords: *Russian Empire, Russian-Turkmen relations, legal restrictions, foreigners, indigenous population, language barrier, national elite, radical administration, privileges, police units, national military units, rear works, Turkmen rebellion.*

REFERENCES

1. *Annanepesov M.* Ukreplenie russko-turkmenskikh vzaimootnoshenii v XVIII–XIX vv. [Strengthening of Russian-Turkmen relations in the XVIII–XIX centuries]. A. Rosliakov (ed.). 1982. Ashkhabad: AN TSSR. 268 p.
2. *Glushchenko E. A.* Rossiia v Srednei Azii. Zavoevaniia i preobrazovaniia. Serii: «Rossiia zabytaia i neizvestnaia» [Russia in Central Asia. Conquest and Conversion. Issue: Russia Lost and Unknown]. 2010. Moscow: Tsentrpoligraf. 378 p.
3. *Kadyrov Sh. Kh.* Rossiisko-turkmenskii istoricheskii slovar': v 2 t. [The Russian-Turkmen historical dictionary: In 2 Vol.]. 2001. Bergen: Biblioteka al'manakha "Turkmeny". Vol. 1. 456 p.
4. *Kadyrov Sh. Kh.* Stanovlenie i evoliutsiia etnopoliticheskoi organizatsii u turkmen: Dis.... dokt. ist. Nauk [Formation and Evolution of Ethnopolitical Turkmens Organization: Doctoral Degree Thesis]. 2004. Moscow. 370 p.
5. *Lomakin A.* Obychnoe pravo turkmen (adat). Reprint s izdaniia 1897 g. [The common law of Turkmens. (Adat). Reprint from the edition of 1897]. 2015. EE Media. 90 p.
6. *Maksimovich F. K.* Sotsial'no-ekonomicheskii stroi zakaspiiskikh turkmen nakanune prisoedineniia k Rossii [Socio-economic structure of the Trans-Caspian Turkmens on the eve of accession to Russia]. 1960. Ashkhabad: Turkmenskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo. 244 p.
7. Nachalo revoliutsionnogo dvizheniia v Turkmenii v 1908–1917 gg. [The beginning of the revolutionary movement in Turkmenistan in 1908–1917]. Soloviev A. G. (ed.). Book IV. 322 p.
8. Rossiia i Turkmeniia v XIX v.: k vkhozheniiu Turkmenii v sostav Rossii: sbornik arkhivnykh dokumentov [Russia and Turkmenistan in the nineteenth century: to Accession of Turkmenistan to Russia: the collection of archival documents]. G. I. Karpov, A. G. Solov'ev, D. F. Maslovets (eds.). Compiled by A. G. Solov'ev, A. A. Sennikov, D. F. Maslovets. 1946. Ashkhabad: Turkmengosizdat. 590 p.
9. Russko-turkmenskii otnosheniia v XVIII–XIX vv. (do prisoedineniia Turkmenii k Rossii). Sbornik arkhivnykh dokumentov [Russian-Turkmen relations in the XVIII–XIX centuries (before the accession of Turkmenistan to Russia). The collection of archival documents]. 1963. Ashkhabad: Izdatel'stvo Akademii nauk Turkmenskoi SSR. 784 p.
10. *Ryskulov T. R.* Vosstanie kirgizov i kazakhov v 1916 godu [Rebellion of the Kyrgyzs and Kazakhs in 1916]. 1991. Bishkek. 112 p.
11. *Tikhomirov M. N.* Prisoedinenie Merva k Rossii [The annexation of Merv to Russia]. 1960. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury. 240 p.
12. *Khaitliev A.* Ugolovnoe obychnoe pravo Turkmen [Criminal Customary Law of the Turkmen]. Povelitsyna P. F. (Ed.). 1986. Ashkhabad: Ylym. 236 p.
13. *Khodzhaikuliev B. A.* Narodnoe prosveshchenie v Turkmenistane v kolonial'nyi period (1881–1917 gg.). Avtoref. dis.... kand. ist. Nauk [Public education in Turkmenistan during the colonial period (1881–1917). Abstract of the PhD Thesis]. 1995. Ashkhabad. 23 p.
14. Tsentral'naia Aziia v sostave Rossiiskoi imperii [Central Asia in the Russian Empire]. Abashin S. N, Arapov D. lu., Bekmakhanova N. E. (eds.). 2008. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 464 p.